

Вера шла к Дворцу оперы по улице с музыкальным названием Опера.

«Надо же, чуть ли не каждый второй здесь — негр», — думала она, испуганно оглядываясь, словно её мысли могли подслушать. Во Франции за это самое «негр» можно и пострадать.

Лет пять назад ей уже довелось побывать в этой стране: приезжала по турпутёвке на неделю. От той поездки в памяти остался калейдоскоп сменяющихся картинок. Приехали. Заселились в отель. Утром, в семь часов, — завтрак, дальше — обзорная экскурсия, обед, Лувр, вечером — снова отель, ужин. Всё расписано. Всё на потоке. На обратном пути в Москву в голове крутились слова одной и той же песни: «Скованные одной цепью, связанные одной целью». Таковы реалии любой туристической поездки.

То путешествие Вера прозвала для себя «материнским». Мать была учительницей французского языка и почитательницей культуры Франции. Она с упоением читала Оноре де Бальзака, Виктора Гюго, Флобера, Стендаля, де Сент-Экзюпери и всю жизнь мечтала побывать в обожаемой ею стране. Но тогда, в СССР, поехать за границу могли только привилегированные особы, простым смертным такая возможность открывалась по весьма ограниченному числу специальных обстоятельств. А когда Советский Союз распался и поехать за рубеж стало можно, решиться на такую поездку матери уже не позволяло здоровье. Потом она умерла. Через год, постоянно чувствуя за собой непонятную вину, Вера поехала в город маминой мечты, убеждая себя, что необходимо хоть так осуществить её желания. Возможно, когда-нибудь потом она сможет там, в лучшем мире, рассказать маме обо всём. Брат был «по уши» в своих делах, и она поехала одна.

От поездки осталась пустота. Что она могла бы рассказать матери? Как в толпе экскурсантов неслась к Лувру? Как толкались локтями в Версале? Кроме суеты и мелькания картинок, в памяти ничего не осталось. Вера понимала, что мама хотела иного: атмосферы Парижа, чего-то возбуждающего чувства, прекрасного. А этого не было.

И Вера решила на новую поездку. Кредит она погасила. Накопления имелись. Позвонила брату, тому снова было некогда. В Интернете выбрала

первый попавшийся отель в центре Парижа. Повнялась разумная цена. Отзывы тоже были хорошие. Зашла на сайт Аэрофлота: билеты на эти дни продавались. «А вдруг разрешение не дадут?» — то ли с надеждой, то ли с досадой подумала девушка и отправилась в визовый центр. Визу выдали.

Время летит быстро, и вот Вера входит в парижский отель.

— Бонжур, — произносит она и, поскольку на этом её знание французского исчерпывается, молча подаёт квитанцию улыщавой девушке на ресепшн. Прочитав текст, та улыбается и говорит по-русски: — Здравствуйте!

Оказывается, её родители — русские, давно перебравшиеся в Париж.

Тесноватый номер с обшарпанными стенами, но разве это для Веры главное? Одно дело, когда едешь развлечься на курорт, другое... Что — другое, она ещё не решила. Но понимала, что для начала надо не спешить, попытаться понять Париж, вдохнуть его жизнь. А дальше видно будет.

В детстве она читала книгу о великом марафонце, который объездил весь мир. Запомнилось, что спортсмен старался узнать каждый город, в который приезжал, изучал его, просто гуляя по улицам. По его мнению, каждый очередной город имел свой нрав, характер, свою душу. И, как орденами, он награждал их эпитетами: пасмурный Лондон, пёстрый Бомбей, блистающий Париж, изящная Прага.

«Каким для меня будет Париж? — спрашивала себя Вера и пожимала плечами. — Утро вечера мудренее».

В последнее время ей постоянно хотелось спать: могла уснуть в очереди в поликлинике, в метро, завалиться в постель часов в восемь вечера. Вот и сейчас клонило ко сну.

Однако на гостиничной кровати долго не засыпалось. Вера открыла глаза из-за невнятного шума с улицы. Светало. На цыпочках она подошла к окну и осторожно приоткрыла шторы, почему-то высунув язык. На узкой улочке в доме напротив два пьяных француза, один толстый, другой тонкий, устроили представление. Толстый открыл дверь в подъезд, чтобы войти в дом, а второй настойчиво

желал попасть к нему в гости. Толстый отталкивал его лениво руками и что-то объяснял.

— Наверное, поздно... или, наоборот, рано,— улыбнулась девушка.

Но тонкий продолжал настойчиво напирать на товарища, чтобы войти, а толстый интеллигентно отталкивал его.

— Французы тоже люди и пьют как русские,— хмыкнула Вера и пошла в душ.

Но, увы, завтрак в отеле оказался французским, а не русским: кофе, круассаны, сыр, ветчина, джем, и— привет, Париж!

Пять минут—и она в саду Тюильри, вытянувшаяся вдоль Сены. Геометрически правильные, шепетильно причёсанные аллеи. Надменные, сверкающие белозубой скульптуры, большие чопорные клумбы и вазы, окружённые каштанами. Парижане лениво беседуют на зелёных металлических стульях у мутного пруда.

«Значит, в этом саду Францию носили на руках?!»— Вера вспомнила вошедший в историю случай. Петр Первый, выскочив из кареты, подхватил здесь на руки семилетнего короля Людовика Пятнадцатого и понёс его в зал для аудиенций, обращаясь к ошеломлённым придворным: «Несу всю Францию!»

«Мило, всё мило... но и только»,— думала девушка. Какое-то странное предчувствие не покидало её.

Дальше через площадь Согласия можно выйти к Елисейским полям, где самые прославленные модные дома, мировые ювелирные и антикварные магазины. Но именно туда её вовсе не тянуло. К тому же скромность французского завтрака дала о себе знать, и к одиннадцати часам захотелось настоящего русского обеда.

В двух первых попавшихся по пути кафе меню было на французском. Но, собственно, на каком языке должно быть меню во Франции?

Нерешительно, но определённо стал накрапывать дождь.

«Бог троицу любит»,— решила Вера. И в третьем кафе с независимым видом решительно села за стол.

«Как-нибудь объясню, что хочу заказать. В крайнем случае, ткну пальцем в любую строчку меню. А то так с голода умру во Франции!»— она невольно усмехнулась.

Французы за соседним столиком вежливо улыбнулись.

Подбежавшая официантка что-то затараторила.— Если бы я понимала, о чём вы говорите,— вяло пробубнила Вера.

— Русо?— воскликнула француженка.

И, как по мановению волшебной палочки, перед Верой оказалось меню на русском языке!

«В Париже жить можно, точнее, есть можно»,— удовлетворённо подумала девушка, заказывая

знаменитый французский луковый суп и фирменный бифштекс из говядины с кровью.

По пути к отелю она с удивлением несколько раз различала русскую речь.

«Русские есть везде»,— улыбаясь, думала Вера, бросая оценивающие взгляды на идущих навстречу женщин и машинально кивая... Да-да, конечно. Парижанки одеваются скромно и практично, избегают вызывающего макияжа, но любят яркую губную помаду.

Во время отпуска девушка привыкла днём ложиться на некоторое время вздремнуть, но было похоже, что на этот раз поспать у неё не получится. В номере трудилась горничная. Потом позвонили и пригласили на ресепшн: возникли вопросы по анкете, которую она заполнила накануне.

Вечером, не выспавшаяся и потому всем недовольная, она шла по улице Опера. Рядом двигалась разношёрстная толпа. Всё как в Москве. «Только у нас мелькают таджики, а здесь чернокожие»,— размышляла девушка. Она вся сжалась, кожей ощущая, как идущие навстречу пристально вглядываются в неё, будто хотят уличить в чём-то. Их голоса на непонятном языке сливались в монотонный раздражающий шум. Не было чувства чего-то важного. Не было ощущения Парижа. Та же московская суета. Всё как всегда. Она, словно повзрослевшая девочка, потерялась в этой толпе. И эта масса людей уже казалась ей особым единым существом, обнюхивающим её и готовящим подвох. Замкнутое пространство Веру не угнетало, но в толпе было неуютно и тревожно. Зачем она сюда приехала? Что тут делает?

И вдруг, ошеломлённая, Вера остановилась. Перед ней во всей красе возвышалось здание «Гранд-опера», или так называемая «Опера Гарнье». Собственно, сюда она и шла, и нельзя было сказать, что перед её глазами впервые нечто подобное. Видела она Большой театр в Москве, не раз была в Эрмитаже и Петродворце в Санкт-Петербурге, в Париже, в первый ещё приезд, изучила Версаль и Лувр.

Но тут с ней произошло что-то необыкновенное! Шла в толпе, и вдруг всё исчезло, обыденность отступила, и перед ней выросли стремительно возносящиеся колонны, вздымающиеся в скачке лошади, блаженно парящие ангелы в переливах белого, розового и зелёного мрамора—словно застывший танец. И всё это великолепие венчали статуи, символизирующие Поэзию и Гармонию, сам Аполлон смотрел величественно с купола, словно понимая, что творится у неё на душе, и дышал величием, покоем и умиротворением.

Ярко-оранжевые лучи заката осветили здание, и оно затрепетало в нанизанных на купол, подсвечиваемых теперь солнцем снизу розовых облаках. Небо остывало от дневного марева, дожидаясь захода солнца, и по строению пробежала странная тень.

Вера знала о тайнах и мистических символах, не покидающих этот театральный дворец на протяжении всего его существования. Она вычитала, что один из мистических знаков здания — число 13. Это тринадцатый театр на территории Франции. На тринадцатой ступеньке этого театра умерла одна из балерин. Во время оперы «Фауст» упала люстра, и погиб зритель, сидящий в тринадцатом кресле зрительного зала. Другая тайна: в «Гранд-опера» жило привидение, о существовании которого знали все. Именно из-за него покидали свои посты директора. Об этом — роман Гастона Леру «Призрак Оперы».

Вот и сейчас что-то таинственное окружало здание.

Она вздрогнула... Кто-то осторожно коснулся её плеча.

Импозантный парень лет тридцати с модной двухдневной щетиной на щеках и подбородке, в дорогом сером костюме, с бабочкой, в начищенных до блеска туфлях, стоял рядом и доброжелательно смотрел на неё. Он что-то сказал по-французски и помахал билетом.

— Извините, не понимаю, — вырвалось у Веры.

Парень улыбнулся и — о чудо! — на чистейшем русском сказал:

— Девушка, у меня мама заболела, и приходится продавать билет в оперу. Купите?

«Побывать в „Опера Гарнье“ — немыслимо! Туда билеты за полгода покупают!» — у неё захватило дух. — А сколько стоит?

— Сто двадцать евро, — буднично сказал парень.

«Девять тысяч рублей», — мысленно подсчитала девушка и удручённо замерла.

— Это реальная цена билета. Я не спекулянт, — покраснев, заверил парень и указал пальцем на цифру.

— Я вам верю, но дело в другом. Увы, этого я себе не могу позволить, мне ещё уехать отсюда надо.

— Жаль, — ответил парень и нерешительно замялся.

Затем, подумав, выпалил:

— Бог с ним, вряд ли я найду кого-то, до начала осталось тридцать минут. Как вас зовут, девушка?

— Вера, — пролетела она.

— Я вам дарю билет.

— Что вы! — выпалила она, протестуя, и даже сделала отталкивающее движение рукой.

Парень улыбнулся и сказал торжественно:

— Зря. Тогда порву билет у вас на глазах! Раз! Два!

Он держал билет двумя руками.

— Согласна, — растерянно пролепетала Вера. — Будем считать, что сегодня... так сложились звёзды!

— Верно, — парень поднял указательный палец. — В жизни всегда должно быть место удаче и волшебству!

Дальше всё и происходило как в сказке.

Они поднялись по парадной, выложенной мрамором лестнице. Вокруг гранит, оникс, яшма,

сусальное золото, зеркала, бархат. Великолепие снаружи, изящество внутри. Вот и фойе, украшенное позолотой, мозаикой, зеркалами и росписью. — Дворец Гарнье был построен в девятнадцатом веке, — важно говорил Олег. — Лучшим был признан проект Шарля Гарнье, ещё никому не известного архитектора. На своих эскизах он соединил признаки совершенно разных стилей, благодаря чему получил уникальное великолепие волшебства. Ходит легенда, что якобы императрица Эжени с недоумением спросила у Гарнье, что это за стиль. Гарнье, не растерявшись, ответил: «Стиль императора Наполеона Третьего».

— Это общеизвестно, — снисходительно ответила Вера. — А о мистических знаках здания вы знаете?

Олег растерянно заморгал.

— Так слушайте, — девушка уверенно перехватила инициативу.

Вот и красно-золотой подковообразный зрительный зал с огромной хрустальной люстрой.

— Надеюсь, у нас не тринадцатый ряд или место? — улыбаясь, поинтересовалась Вера.

— Нет, — засмеялся её спутник.

Замолкают последние аплодисменты. Гаснет свет. Надрывно взмывает скрипка. Но вот её пение перекрывают, усиливается, звуки литавр, подобно надвигающимся раскатам грома. И плавно, в унисон, начинают звучать, сливаясь, виолончели, контрабасы и фаготы. Ощущение, будто тихо наплывают, иногда приостанавливаясь, таинственные тени. По спине Веры пробежали мурашки, её охватило тревожное предчувствие, смешанное с надеждой. Почему-то на ум пришла фраза Гейне: «Там, где кончаются слова, начинается музыка».

... Вера снова идёт по улице Опера, но рядом с ней — Олег. А навстречу движутся люди, милые и доброжелательные, словно понимающие, что в её душе до сих пор звучит мелодия, полная светлой, наивной грусти, далёкая от будничных забот и суетной жизни.

Между тем вечерняя жизнь в Париже только пробуждается: загораются фонари и красные таблички, лениво заполняются террасы кафе со столиками впритык. Питейные заведения растянулись гирляндами по улице в окружении домов с фасадами, похожими на пирожные с кремом, пестреющими кружевными балкончиками.

— Спасибо вам. Вот и мой отель, — она замаялась. — Чем вас отблагодарить? Могу пригласить в кафе на чашечку кофе. Но только завтра, сегодня уже засыпаю.

— Завтра мы улетаем, — эхом прозвучал ответ.

Вера огорчённо поджала губы.

— На чашечку кофе можно зайти и в Москве, — улыбаясь, заметил Олег. — Если вы дадите телефон.

Ойкнув, она с радостью продиктовала номер.

— Всё, я спать, — виновато вздохнула Вера.

— Знаете, есть птичка, которую прозвали в народе сплюшка. Она примерно через каждые пять секунд методично восклицает: «Сплю... Сплю... Сплю...»
И самое главное, что с последними звуками её песни наступает темень. Побегу, пока не стемнело, — закончил парень и зашагал прочь, что-то напевая.

«Похоже, он теперь так и будет называть меня „сплюшкой“».

У неё не было чувства, будто она видит Олега в последний раз... Наоборот. Это было чувство совсем недолгой, может быть, даже мгновенной — как внезапно прервавшийся сон — разлуки.